

DOI 10.24412/1026-8804-2024-2-5-8

Представляя рубрику. Критерии научности, поиски смысла и политическая целесообразность в современных исторических исследованиях

Основной исследовательский замысел нашей рубрики состоял в попытке осветить с разных сторон взаимоотношения истории как науки с идеологией. Мы намеренно не ставили перед нашими авторами заранее сформулированных определений идеологии, критериев научности исторических исследований и т.п. Тем интереснее, что в результате все представленные работы можно рассматривать как объединённые общей методологической установкой, которую мы предлагаем называть *расширенным реализмом*. Суть её сводится к тому, что в сферу объективно (объективно реального) включаются не только нейтральные, но и ценностные факты. Такая методологическая установка значима не только тем, что стала проявлением своего рода исторического *common sense*, но и тем, что имеет под собой достаточно веские основания. Действительно, сама возможность выявить в исторических исследованиях разного рода идеологические искажения, следы политического конструирования и тому подобное говорит о том, что мы, как учёные, исходим из идеи объективной исторической действительности, предполагаем её познаваемость. Иными словами, в исторической науке есть *нормативная* идея объективности. С другой стороны, ценностное измерение изучаемых исторических фактов и событий не менее значимо для исследователей и оказывает реальное влияние как на сами исторические процессы, так и на характер их изучения. Кроме того, нельзя исключать и возможности влияния ценностных аспектов исторических событий на установки самого исследователя.

Методологическая установка расширенного реализма, под которую, как мы уже сказали выше, подпадают все представленные в рубрике работы, состоит ещё и в том, чтобы отказаться от ложного выбора между «стерильной» и на практике недостижимой чистой объективностью и личной позицией исследователя. Разумный выход из этой дилеммы состоит в том, чтобы избрать исследовательскую установку по отношению к личной

позиции автора того или иного исторического труда. Не стоит бояться ценностного измерения в исторических работах, напротив — нужно его исследовать, смотреть, что мы действительно можем счесть по-настоящему значимым и ценным.

В самом широком ключе вопрос о значении научно-исторического знания поднимается **М.Е. Буланенко**. Важно, что автор ставит и решает его именно в научно-философском, а не в публицистическом или идеологическом поле. После разрушительной критики объективной значимости исторического знания, предпринятой Ф. Лиотаром и другими постмодернистами и оказавшей большое влияние на исследовательскую установку многих отечественных историков, подобное исследование важно тем, что предлагает рациональные, научно-философские основания для законного возвращения вопроса о ценностях и значениях в историческую науку. А значит, и возвращения объективной ценности и значения ей самой. Выводы, полученные автором, с одной стороны, опираются на ряд классических и современных исследований по теории ценностей и философии науки, с другой — представляют собой именно целостный органичный взгляд, обосновывающий как существование объективных ценностей, так и объективную ценность научно-исторического познания.

Проблематика исследования **Н.П. Таньшиной** затрагивает важную тему развязанной коллективным Западом идеологической войны против России. При этом автор не просто даёт историческую ретроспективу мифов о России, представленных в работах западных историков, но и увязывает её с историческим анализом ситуации, в которой эти мифы зародились и развивались. Оригинальность авторского подхода определяется, с одной стороны, осознанно занятой Н.П. Таньшиной гражданской позицией, а с другой — широтой охвата анализируемого материала. В результате автору за фактами удаётся уловить и показать тенденцию, проявляющуюся в западном изучении России, а также раскрыть тесную связь западной исторической науки с идеологической «злостью дня».

Ю.Н. Ковалевская поставила целью своего исследования выявить конкурирующие типы политического дискурса, которые сложились в период перестройки и 1990-е гг., их смену и влияние на тематику исторических исследований на примере публикаций Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Как показывает и сам автор, исследований подобного рода в отечественной науке немного. В то же время вопрос взаимосвязи политической власти и исторической науки не утрачивает своего значения, пожалуй, со времён Российской империи. Новизна и оригинальность работы связана как с выбором материала, так и с предложенной типологией властных дискурсов в поздне- и постсоветский

периоды. Таким образом, хотя автор и не выходит на теоретический вывод о том, какими должны быть отношения власти и исторической науки, но отходит и от чисто дескриптивного подхода, весьма распространённого в отечественных работах. Предложенная Ю.Н. Ковалевской типология трёх властных дискурсов — социально-демократического, неолиберального и националистического — демонстрируется на массиве исследовательских работ, выполненных в ИИАЭ ДВО РАН в 1985—2015 гг.

В исследовании **А.М. Кузнецова** ставится задача разобраться как в происхождении концепта «национализм», так и в сущности этого явления. Оригинальный подход автора погружает читателя в живую атмосферу научной мысли по вопросу национализма в её связи с политическими интересами. Широкий охват автором различных концепций и исследований по поднятой им теме не оставляет сомнений в весомости полученных выводов, при этом каждая затронутая концепция или исследование снабжены конструктивной критикой и попыткой вычленить рациональное зерно. Всё это придаёт работе интегративный характер. И хотя мы не готовы согласиться с выводом автора о сугубо инструментальном характере концепта «нация», это никоим образом не снижает ценности работы в целом и важности поднятых в ней вопросов.

Своеобразным продолжением исследования национализма, но уже в сфере международных отношений, выступает статья **В.Е. Болдырева**. Им проделана большая работа по анализу доминирования американских подходов в теории международных отношений (ТМО). Это доминирование автор оценивает как научную и образовательную колонизацию, которую осуществили США к началу XXI в. В поисках путей деколонизации В.Е. Болдырев исследует особенности развития науки о международных отношениях в США и СССР, показывая перспективность современной рецепции достижений советской науки. В своей работе автор опирается не только на классические исследования, но и на новейшие достижения в исследованиях ТМО, включая научные труды ведущих российских авторов.

Закрывают рубрику работы, представленные **Д.В. Лихаревым** и **С.Ю. Вradiем**. Можно сказать, что оба автора посвятили исследования своего рода демонстрации роли личности в истории. В статье Д.В. Лихарева речь идёт об С.У. Роскилле, одном из крупнейших специалистов в области британской морской истории XX в. Этот человек прошёл непростой жизненный путь, не будучи профессиональным историком, он снискал заслуженный авторитет в академических кругах, стал примером принципиальности в отстаивании научных позиций. Научная биография С.У. Роскилла свидетельствует о неустрашимости ценностного

измерения из исторической науки, о том, что есть *исследовательские добродетели*, которые как раз и делают подобных ему исследователей примерами для других. Следующая работа, написанная С.Ю. Вradiем, напротив, делает акцент не на добродетели историка, а на ценностном значении предмета историографического исследования. Она посвящена выдающемуся государственному деятелю цинского Китая Линь Цзэсюю, человеку, внёсшему большой вклад в борьбу с торговлей опиумом и иностранной экспансией в Поднебесной. Уважение к этому государственному мужу сохранялось как в цинском Китае, так и в последующие периоды. Однако автор прослеживает изменчивость акцентов исторической памяти, её политическую и идеологическую обусловленность. Так, в цинском Китае на первое место ставилось значение Линь Цзэсюя как преданного государственного деятеля, тогда как в последующем на первое место выступил его образ как патриота, защитника национальных интересов, а также человека, стремившегося расширить горизонты видения Китаем внешнего мира. Несмотря на указанные изменения, в расстановке акцентов весьма показательна неразрывная связь фактического и ценностного аспектов в китайской историографии, посвящённой этому герою.

Подводя предварительный итог, нельзя не отметить, что продемонстрированное нашими авторами разнообразие тем и исследовательских перспектив в рамках расширенного реализма свидетельствует об исключительной плодотворности этого подхода. Более того, он кажется единственно естественным и подходящим для историка: ведь без внимания к ценностям как реальному фактору, оказывающему влияние и на сам исторический процесс, и на изучающую его науку, историческое исследование едва ли можно назвать полноценным. И только осознанное отношение к ценностному измерению истории, а вовсе не пренебрежение им и не попытка вынести его за скобки, может сделать историческое исследование по-настоящему объективным и свободным от ценностных искажений и идеологической предвзятости.

Поповкин А.В.,

канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Буланенко М.Е.,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН